

В.И. Волощак

Направления военной политики Республики Корея при президенте Ли Чжэме

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений военной политики Республики Корея, сформулированных после прихода к власти летом 2025 г. администрации Ли Чжэме. С опорой на представленный новой администрацией план «123 задачи государственной политики», предвыборную программу и другие заявления южнокорейского президента, а также материалы СМИ, автор дает характеристику и раскрывает контекст основных приоритетов военной политики Южной Кореи после президентских выборов 2025 г., а также оценивает перспективы реализации основных объявленных инициатив. Автор заключает, что в военной политике находит свое отражение тенденция на «центристский» сдвиг политических программ Ли Чжэме: ее ключевые направления представляют собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэном в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг. К числу проблем, находящихся в особом фокусе новой президентской администрации, можно отнести возврат оперативного командования ВС РК в военное время, увеличение численности военнослужащих сержантского состава и достижение Южной Кореей позиции в числе четырех крупнейших экспортеров вооружений в мире.

Ключевые слова: Южная Корея, военная политика, внешняя политика, военная промышленность, вооруженные силы, экспорт вооружений.

Автор: Волощак Валентин Игоревич. Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория азиатских и тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (адрес: 690001, Приморский край, Владивосток, Пушкинская ул., 89). ORCID: 0000-0001-7557-7494.
E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы государственного задания 1023110200001-7-5.6.1 «Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада и Большого Востока за формирование нового мирового порядка».

Для цитирования. Волощак В.И. Направления военной политики Республики Корея при президенте Ли Чжэмыне // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 43—58. DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.98.005.

V.I. Voloshchak

Directions of Republic of Korea's Defense Policy under President Lee Jae-myung

Abstract. The article analyzes the key directions of the Republic of Korea's defense policy, formulated after the Lee Jae-myung administration came to power in the summer of 2025. Drawing from the “123 National Policy Tasks” plan presented by the new administration, Lee Jae-myung's election policy pledges and other statements, media reports etc., the author characterizes and contextualizes the key priorities of South Korea's military policy after the 2025 presidential election and assesses the prospects for implementing the key announced initiatives. The author concludes that defense policy reflects a trend toward a “centrist” shift in Lee Jae-myung's political programs — its key directions represent a combination of initiatives proposed by progressive president Moon Jae-in as part of his “Defense Reform 2.0” in 2017—2022 and by conservative president Yoon Suk-yeol as part of “Defense Innovation 4.0” plan in 2022—2025. Among the issues that will be a particular focus for the new presidential administration are the wartime operational control transfer, an increase in the number of non-commissioned officers in the ROK armed forces and achieving the position among the four largest global arms exporters.

Keywords: South Korea, defense policy, foreign policy, defense industry, armed forces, arms exports.

Author: Valentin I. Voloshchak. PhD (history), research fellow, Laboratory of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 690001, Primorsky Krai, Vladivostok, Pushkinskaya St., 89). ORCID: 0000-0001-7557-7494. E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The paper was prepared under the federal assignment topic 1023110200001-7-5.6.1 “The Asia-Pacific region in the context of rivalry between the West and the Greater East for the formation of a new world order.”

For citations: Voloshchak V.I. Napravleniya voennoy politiki Respubliki Koreya pri prezidente Li Chzhemyone [Directions of Republic of Korea's Defense Policy under President Lee Jae-myung] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 43—58. DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.98.005.

В результате процесса, касающегося импичмента президента Южной Кореи Юн Согёля, летом 2025 г. новым лидером государства стал Ли Чжэмын. Последние годы двух лидеров связывала активная политическая борьба, они являлись ключевыми фигурами в противостоянии двух конкурирующих партий — «Сила народа» и Демократической партии «Тобуро» — и имели разнящиеся позиции по парадигмальным направлениям внешней политики Южной Кореи. Так, Юн Согель — сторонник военного сближения с США и Японией, занимавший жесткую антикитайскую и антисеверокорейскую позицию и солидаризировавшийся с основными западными внешнеполитическими концепциями (в частности, при

нем была принята первая южнокорейская Индо-Тихоокеанская стратегия). Действующий президент Ли Чжэмён придерживается идеи «прагматичной дипломатии», приоритизирующей экономические интересы государства в противовес его политической ориентации, а также призывает «не антагонизировать» Китай и компромиссно настроен к КНДР¹.

Вероятно, что эти направления найдут по меньшей мере частичное отражение в военно-политическом курсе новой администрации, характере международных связей Республики Корея (РК) в области обороны и безопасности и подходах к развитию военного потенциала. Ожидания от Ли Чжэмёна связаны с его ролью «преемника» Мун Чжэина как лидера демократического лагеря. В годы президентства Мун Чжэина (2017—2022) была осуществлена Военная реформа 2.0, предполагавшая реализацию таких мер, как сокращение численности вооруженных сил (ВС) и срока службы по призыву, увеличение численности гражданских служащих в ВС, социальную поддержку военнослужащих и др. Ли Чжэмён во время своей первой президентской кампании в 2021—2022 г. высказывал схожие тезисы, в частности — предлагал дальнейшее сокращение численности ВС путем снижения количества служащих по призыву с целью компенсации демографических рисков. В духе Мун Чжэина были и объявленные стремления противодействовать созданию антикитайского военного блока США — Южная Корея — Япония и осуществить передачу от США оперативного командования ВС РК в военное время².

Однако к президентским выборам 2025 г. на фоне усложнившейся обстановки в мире и на Корейском полуострове Ли Чжэмён стал высказываться гораздо более нейтрально. В его официальных предвыборных обещаниях инициативы, относящиеся к военно-политическому курсу государства, зафиксированы в весьма лаконичном виде: среди них упоминается содействие росту экспорта вооружений и укрепление сотрудничества в рамках военного альянса США и Южной Кореи [제21대 대통령선거 당선인공약].

В августе 2025 г. была обнародована (а месяцем позднее официально утверждена) программа «123 задачи государственной политики». Несмотря на то, что по состоянию на октябрь 2025 г. не представлен детальный план военной реформы Ли Чжэмёна, содержание названной программы позволяет составить представление об основных приоритетах военно-политического курса Южной Кореи при новой администрации.

Пять задач военной политики администрации Ли Чжэмёна

План «123 задач государственной политики» предусматривает всего пять пунктов, посвященных развитию ВС и военного потенциала и обеспечению обо-

¹ Park Chan-kyong. South Korea's presidential candidates clash over China and US, 'pragmatic' policy // South China Morning Post. 19.05.2025. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3310905/south-koreas-presidential-candidates-clash-over-china-and-us-pragmatic-policy> (accessed: 26 October, 2025)

² Ji Da-gyum. Lee Jae-myung envisions efficient, powerful military for future warfare // The Korea Herald. 02.03.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/article/2804048> (accessed: 26 October, 2025).

роноспособности государства. За выполнение четырех из них ответственно Министерство обороны РК, еще одна задача находится в компетенции Управления программ оборонных закупок.

Задача № 109 «Строительство элитных ВС, готовых к меняющейся военной среде». В рамках этой задачи предполагается технологическое совершенствование ВС с опорой на искусственный интеллект (ИИ) и другие высокие технологии [이재명정부 123대 국정과제, с. 171]. Прежде всего, внимание уделяется развитию «трехосной» системы противоракетной обороны (системы Korean Air and Missile Defense, а также программ Kill Chain и Korea Massive Punishment and Retaliation) — традиционной задаче последних лет, связанной с обеспечением обороноспособности против северокорейских ракетных вооружений. Также предполагается создание стратегического космического командования в средне- или долгосрочной перспективе. Данный шаг продолжает тенденцию на формирование новых межродовых командований в ВС, ответственных за проведение операций, связанных с новыми технологиями. Так, в 2023—2024 гг. было сформировано Стратегическое командование и Командование беспилотных операций, в ведении которых находится противодействие ракетно-ядерным угрозам и операции с использованием дронов, соответственно. Задачей же стратегического космического командования, по всей видимости, станет проведение разведывательных операций с использованием военных спутников, которые в последние три года были построены и успешно испытаны Южной Кореей [Калинин, с. 65—66].

Среди других приоритетов в рамках задачи № 109 — разработка и внедрение в ВС беспилотных систем, в том числе на уровне мелких подразделений; работа над обеспечением кибербезопасности и угроз в электромагнитном спектре; создание системы командования и контроля нового поколения; увеличение объемов инвестирования в военную ИИ-инфраструктуру и управление данными в оборонной сфере.

Задача № 110 «Передача оперативного командования ВС РК в военное время на основе всестороннего потенциала сдерживания альянса США—РК» посвящена различным аспектам взаимодействия РК с США в рамках двустороннего военного альянса. С точки зрения администрации Ли Чжэмёна деятельность альянса будет сосредоточена в рамках двух основных направлений. Первое посвящено совместным усилиям по обеспечению расширенного ядерного сдерживания КНДР и предполагает развитие взаимодействия в рамках двусторонней Консультативной группы по ядерному сдерживанию — органе, созданном при администрации Юн Согёля. Также союзники планируют проводить совместные учения по интеграции конвенциональных и ядерных сил, развивать сотрудничество в области передовой науки и технологий и в целом стремиться к построению «всестороннего стратегического альянса, ориентированного на будущее» [이재명정부 123대 국정과제, с. 172].

Второе направление связано с решением вопроса об оперативном командовании над ВС РК в военное время, которое осуществляется американо-южнокорейским Командованием объединенными силами во главе с четырехзвездным генералом ВС США [Пугачева, с. 86]. В отличие от консервативных администра-

ций, которые старались отложить возвращение оперативного командования южнокорейской стороне или иным способом снизить приоритетность этого вопроса, Ли Чжэме́н продолжает характерную линию демократических администраций Но Мухёна и Мун Чжэина, намереваясь до конца своего президентского срока в 2030 г. осуществить возврат оперативного командования. Подход Ли Чжэме́на будет опираться на поэтапный план, «основанный на выполнении условий», который был согласован союзниками в 2014 г. без указания на определенные сроки реализации, но предполагающий выполнение трех этапов: 1) развитие РК достаточного военного потенциала для самостоятельного противодействия внешним военным угрозам; 2) развитие потенциала противоракетной и противовоздушной обороны; 3) наличие благоприятной региональной обстановки в области безопасности [Пугачева, с. 87]. Особую значимость вопроса оперативного командования подчеркивает тот факт, что он вынесен в качестве главной инициативы политики в отношении альянса США—РК в формулировке соответствующей задачи государственной политики новой администрации. Помимо этого, Ли Чжэме́н планирует разработать нормативную основу управления совместной обороной в новых условиях после возвращения Южной Кореи оперативного командования.

В рамках задачи № 111 «Создание военной системы, сосредоточенной на выполнении боевых функций, путем проведения военной реформы» закреплено намерение провести реформу ВС, которая позволит оптимизировать использование труда военнослужащих для решения сугубо военных задач. Прежде всего, это направление связано с серьезным сокращением уровня рождаемости в Южной Кореи: каждый год снижается количество молодого населения, необходимого для комплектации личного состава вооруженных сил. Согласно расчетам, количество мужского населения призывного возраста сократится с 334 тыс. человек в 2020 г. до 127 тыс. человек к 2045 г. [김 신숙, с. 12].

Детальный план проведения военной реформы по оптимизации использования человеческого ресурса ВС в условиях демографических ограничений пока еще не обнародован Министерством обороны, однако правительство уже определило ряд мер в этом направлении. Прежде всего, они связаны с поддержкой унтер-офицерского (сержантского) состава — востребованной категории военнослужащих, от квалификации, мотивации и численности которых зависит боеготовность рядового состава ВС [이재명 정부 123대 국정과제, с. 173]. В последние годы на фоне снижения привлекательности военной службы сократилось и общее число офицеров и сержантов в ВС РК: процент отбора офицеров (число офицеров относительно запланированных показателей) снизился с 94,1 % в 2019 г. до 64,9 % в 2024 г., а среди сержантов этот показатель за этот же период упал с 93,5 до 51,2 %¹. Таким образом, приоритетными задачами правительства Южной Кореи названы повышение процента отбора военных, проходящих дол-

¹ 조수빈. 국군 45만명, 6년새 11만명 줄어...사단급 부대 17곳 사라졌다 [Чо Субин. ВС РК численностью 450 тыс. человек сократились на 110 тыс. человек за шесть лет, потеряв 17 подразделений уровня дивизии] // 중앙일보. 11.08.2025. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25358069> (дата обращения: 26.10.2025). (На кор.)

госрочную службу по контракту, и внедрение новых методов рекрутирования профессиональных военных.

Помимо этого, в рамках задачи № 111 предложены такие инициативы, как активное привлечение гражданского персонала на работу ВС для выполнения невоенных задач в области логистики, образования, управления кадрами и материальными ресурсами и т. п., а также дальнейшая оптимизация организационной структуры ВС и выведение Корпуса морской пехоты в отдельный четвертый род войск.

Задача № 112 «Улучшение условий военной службы и повышение морального духа» направлена на улучшение благосостояния солдат и гражданских служащих, а также их семей для обеспечения баланса между военной службой и семейной жизнью. Особое внимание уделено мерам поддержки унтер-офицерского состава, которые включают повышение зарплат и финансовую поддержку при аренде жилья, проведение полных медицинских обследований, улучшение питания, содействие получению образования в дистанционном формате во время прохождения службы. Также предполагается улучшить инструменты поддержки солдатских семей, пересмотреть систему оплаты труда при выполнении служебных обязанностей с целью минимизировать объем ненужной работы и расширить возможности для работы по гибкому графику. Наконец, в числе приоритетов находится повышение безопасности военной службы: меры по предотвращению и оперативному реагированию на несчастные случаи, обеспечению защиты прав военнослужащих, борьба с сексуальными преступлениями. В целом ключевой целью задачи № 112 является привлечение и сохранение на долгосрочной военной службе профессиональных кадров, обладающих высокой квалификацией [이재명정부 123대 국정과제, с. 174].

Последняя задача № 113 *«Продвижение военной промышленности РК и внедрение инноваций в процесс закупок вооружений с целью войти в топ-4 мировых экспортеров вооружений»* связана со стимулированием роста экспорта вооружений, который в последние годы стал не только важной статьёй экспортных доходов, но и элементом национального престижа Южной Кореи как передовой технологической и промышленной державы. Ключевой целью политики в этом направлении объявлено занятие 4-й позиции в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вооружений и военной техники, для чего предложен комплекс мер [이재명정부 123대 국정과제, с. 175]. Их можно условно разделить на две категории.

Во-первых, к ним относится государственная поддержка бизнеса. Администрация Ли Чжэмёна обещает расширить налоговые и финансовые стимулы для компаний — экспортеров военной продукции, оптимизировать процесс закупок и проведения военных НИОКР, а также создать «контрольную башню» — единый государственный орган для реализации мер государственной поддержки и в целом координации взаимодействия государства и предприятий оборонной промышленности. В целях обеспечения стабильности процесса производства и поставок военной продукции предполагается также создать базу данных карт цепочек поставок компонентов и материалов для 100 ключевых систем вооружений РК.

Во-вторых, важным аспектом развития военной промышленности обозначено содействие развитию инноваций и появлению в Южной Корее так называемых компаний класса «супер-Б» — т. е. компаний, занимающих ключевые пози-

ции в глобальных цепочках поставок за счет большого технологического преимущества¹. Для этого правительством запланирована поддержка компаний малого и среднего бизнеса на всех стадиях их роста и расширение инфраструктурных инвестиций в разработку и производство полупроводников, двигателей для авиатехники, космических технологий, робототехники, беспилотных технологий и технологий ИИ. В числе других объявленных инициатив — реализация программ поддержки венчурных проектов и проведение конкурса стартапов «100 предприятий в области военных инноваций». Наконец, администрация Ли Чжэме анонсировала принятие закона «О поддержке и продвижении передовой военной промышленности» для того, чтобы более эффективно осуществлять стандартизацию и сертификацию продукции, созданной на основе новейших технологий с целью облегчить их быстрый выход на рынок.

Кроме того, ряд важных мер, связанных с выработкой военно-политического курса государства, обозначен в других смежных задачах государственной политики. К примеру, задача № 2 «Укрепление демократического и институционального контроля над ВС» предполагает расширение мер по обеспечению политического нейтралитета ВС и контроля со стороны органов государственной власти [이재명 정부 123대 국정과제, с. 18]. Очевидно, в качестве реакции на введение Юн Согёлем в декабре 2024 г. военного положения задача закрепляет ряд таких инициатив, как усиление контроля над отдачей несправедливых приказов, совершенствование процедур парламентского контроля при объявлении военного положения, реорганизация органов военной разведки, роспуск Командования военной контрразведки и др. В логике усиления гражданского контроля над ВС лежит и решение о назначении первого более чем за полвека гражданского министра обороны Ан Гюбэка². Еще более красноречивыми проявлениями этой тенденции является объявленная кадровая реформа Объединенного комитета начальников штабов ВС, предполагающая перевод большей части офицеров среднего и высшего звена в Министерство обороны или другие структуры ВС³, а также увольнение ряда высокопоставленных офицеров, связанных с инцидентом объявления военного положения⁴. Данные меры можно расценивать не только как часть стандартной

¹ Термин «супер-Б» (кор. 슈퍼 울(乙)) предполагает наличие у компании монопольных позиций на рынке конкретной технологии или продукта, за счет которых она может оказывать влияние на компании класса «супер-А» (кор. 슈퍼 갑(甲)) — мировых лидеров в данной отрасли. В качестве примера в документе «123 задачи государственной политики» правительства Ли Чжэме приводится нидерландская компания ASML, являющаяся монополистом на рынке литографического оборудования для производства микроэлектроники. От поставок ASML зависимы крупнейшие производители полупроводников из Китая, США, Тайваня и т. д.

² Nam In-soo. S. Korea to have 1st civilian defense minister in decades, career technocrats // The Korea Economic Daily. 23.06.2025. URL: <https://www.kedglobal.com/business-politics/newsView/ked202506230007> (accessed: 26 October, 2025).

³ Кирьянов О. Отголоски введения военного положения. В рядах высших офицеров Южной Кореи готовится чистка // Российская газета. 07.11.2025. URL: <https://rg.ru/2025/11/07/v-vyss-hem-voennom-komandovanii-iuzhnoj-korei-griadut-massovye-perestanki.html> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ Ji Da-gyum. 14 generals dismissed in martial law probe, more pending // The Korea Herald. 18.02.2026. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10677752> (accessed: 21 February, 2026).

политики по усилению гражданского контроля над ВС, но во многом и как проявление политической борьбы, направленной на ослабление позиций консервативного лагеря.

Также в контексте военной политики важное значение имеет закрепленное в рамках задачи № 114 «Восстановление межкорейских отношений на основе примирения и сотрудничества и институционализация мирного сосуществования» намерение восстановить каналы коммуникации между военным руководством КНДР и РК, а также восстановить действие межкорейского Соглашения о реализации исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере 2018 г. [이재명 정부 123대 국정과제, с. 179] Соглашение, регулировавшее установление мирных зон в водном пространстве и предполагавшее отказ от применения военной силы в отношении друг друга, было заключено на встрече Ким Ченына и Мун Чжэина в сентябре 2018 г. и де-факто расторгнуто обеими сторонами в 2023 г. на фоне охлаждения отношений Пхеньяна и Сеула. Также одной из мер, которую можно расценить в качестве примирительного шага в отношении КНДР, можно считать анонсированный в январе 2026 г. роспуск Командования беспилотных операций. Однако официально объявленной причиной этого является «неэффективность и дублирование функций»¹ данным органом. Ликвидация Командования имеет прежде всего политическое значение и связана с серией скандалов вокруг взаимной отправки беспилотников Сеулом и Пхеньяном на территорию друг друга в последние годы. Широко обсуждаемая в СМИ связь администрации Юн Согёля с несколькими инцидентами запуска дронов в КНДР с территории РК также стали дополнительным стимулом для правящей демократической администрации пойти на подобный шаг.

Центризм Ли Чжэмёна и вызовы военной политики новой администрации Южной Кореи

Так как Ли Чжэмён в последние несколько лет является лидером демократического лагеря, можно было бы назвать обоснованными предположения о том, что он будет придерживаться характерной для демократов линии на повышение самостоятельности в военных вопросах от США, а также продолжит курс Мун Чжэина на социальную поддержку военнослужащих. В свете заявлений о приверженности «прагматичной дипломатии» и критики сближения с Японией как не соответствующего национальным интересам Южной Кореи направления внешней политики², логично было и ожидать демонтажа «кэмп-дэвидского» направления на активное развитие военно-политического сотрудничества в треугольнике США — Южная Корея — Япония, во многом инициированного в свое время Юн Согёлем [Мишин, с. 38—39]. Свойственная Юн Согёлю политика по

¹ Hwang Joo-young. Drone command should disband: ministry study // The Korea Herald. 20.01.2026. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10659214> (accessed: 23 February, 2026).

² Kang Jae-eun. DP says trilateral summit at Camp David beneficial only to U.S. and Japan // Yonhap News. 21.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230821004900315> (accessed: 26 October, 2025).

поддержке крупного бизнеса для стимулирования роста экспорта вооружений также не вполне ассоциировалась с левой риторикой Ли Чжэме́на.

Однако к началу 2025 г. южнокорейский президент стал выражать более нейтральные позиции по многим значимым вопросам, смещаясь из прогрессистского лагеря ближе к центру [Асмолов, Соловьев, с. 100]. Эта тенденция нашла отражение и в военно-политическом курсе: ярким тому примером является поддержка военного сближения в треугольнике Вашингтона, Сеула и Токио, нетипичная для южнокорейских демократов и персонально для Ли Чжэме́на, известного своей антияпонской критикой¹. Анализ объявленных новой администрацией приоритетов военной политики государства показывает, что подход Ли Чжэме́на представляет собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэином в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг.

В числе идей, заимствованных из программы Мун Чжэина, — «огражданствление» ВС, т. е. увеличение доли гражданских служащих, выполняющих вспомогательные функции, а также привлечение женщин на военную службу. Социальная поддержка солдат и их семей, развитие благоприятной для создания семьи инфраструктуры в ВС и т. д. также являлись важной частью Военной реформы 2.0 и нашли отражение в задачах военной политики Ли Чжэме́на. Центральным же вопросом социальной поддержки военнослужащих для новой администрации станет повышение численности сержантского состава. Ли Чжэме́н намерен исправить ошибку Юн Согёля, который во время своего президентства реализовал реформу по двукратному повышению денежного довольствия рядовых военнослужащих. Эта политика привела к выравниванию уровня дохода рядовых и младших унтер-офицеров и, как следствие, к снижению мотивации для перспективных и обладающих квалификацией кадров продолжать военную службу на сержантских должностях. Основные усилия администрации Ли Чжэме́на, таким образом, будут направлены на поддержку именно этой категории военнослужащих. Однако решение данной проблемы связано не только с расширением финансовой поддержки, поскольку современные демографические тренды обуславливают необходимость реформирования организационных принципов и устоявшихся иерархических структур в ВС. Как показывает ряд исследований, поколения миллениалов и, в особенности, зумеров, родившихся в начале 2000-х и составляющих основу личного состава ВС, отдают приоритет развитию горизонтальных связей, личному росту и высоким стандартам качества жизни, а также более продвинуты в использовании новых технологий [이주용, с. 225—226]. Еще одним фактором, влияющим на необходимость построения более инклюзивных и эгалитарных ВС, эксперты называют активное внедрение высоких технологий и цифровых решений во все управленческие процессы в ВС, что требует от офицеров осуществлять командование на основе убеждения и согласия, а не дисциплинарного воздействия [Kim Insoo, pp. 515—516]. Таким образом, для эффектив-

¹ 이영규. 이재명 "침략국인 일본이 분단됐어야 했는데..." [Ли Ёнгю. Ли Чжэме́н: «Япония, нация агрессор, должна была быть разделена...»] // 아시아경제. 02.03.2018. URL: <https://www.asiae.co.kr/article/2018030207170053898> (дата обращения: 26.10.2025). (На коп.)

ной интеграции новых поколений в условиях падения уровня рождаемости и сокращающегося количества призывников необходимы изменения и в структуре организации ВС, механизмах рекрутирования и продвижения карьеры профессиональных военных, которые будут предполагать совместное принятие решений, создание гибких условий работы, развитие цифровых компетенций.

Еще одна инициатива военной политики, фигурировавшая в планах Мун Чжэина и в целом характерная для представителей демократического лагеря, — это обещание вернуть оперативное командование ВС РК в военное время. Ли Чжэмён отдает особый приоритет этому вопросу, намереваясь решить его до конца президентского срока, что представляется достаточно амбициозным, учитывая, что Мун Чжэину не удалось в свое время реализовать поэтапный план передачи командования. Особую сложность для успешного выполнения поэтапного плана придает расплывчатость критериев третьего этапа, предполагающего наличие благоприятной обстановки безопасности в регионе. При этом, в сравнении с периодом конца 2010-х годов, когда РК при Мун Чжэине активно вела переговоры по вопросу оперативного командования с американской стороной, нынешний градус напряженности на Корейском полуострове представляется значительно более высоким и не располагающим к выполнению условий плана.

Но все же решение вопроса оперативного командования прежде всего зависит от политической воли США и РК. Инициатива Ли Чжэмёна может встретить позитивный отклик в Вашингтоне на фоне подхода Д. Трампа к вопросу увеличения вклада союзников в совместные интересы безопасности и слухов о возможном сокращении американского военного контингента в Южной Корее¹. В последней Стратегии национальной обороны США, выпущенной в январе 2026 г., зафиксировано признание способности Южной Кореи взять на себя основную ответственность за осуществление сдерживания Северной Кореи при более ограниченной поддержке со стороны США [2026 National Defense Strategy, p. 20]. Можно судить о том, что вопрос выполнения Южной Кореей условий плана передачи оперативного командования носит преимущественно политический характер, и критерии соответствия необходимым условиям могут быть пересмотрены согласно новым стратегическим установкам Сеула и Вашингтона. В последние месяцы союзники активизировали двусторонние встречи по линии оборонных ведомств по вопросу выполнения плана передачи оперативного командования, подтвердив, что стороны добились «значительного» прогресса на пути к выполнению условий плана, а затем — договорившись завершить второй этап плана (достижение «полной оперативной готовности») в течение 2026 г.² Данные обстоятельства можно считать благоприятными для реализации задачи по передаче оперативного командования в обозначенный Ли Чжэмёном срок, несмотря на трудности, с которыми стороны сталкивались в прошлые годы.

¹ Song Sang-ho. U.S. considers withdrawing thousands of troops from S. Korea: report // Yonhap News. 23.05.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250523000451315> (accessed: 26 October, 2025).

² Kang Gahui. '2nd-stage transfer of wartime control from US to come by 2026' // Korea.net. 17.11.2025. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=282356> (accessed: 22 February, 2026).

Что касается направлений, заимствованных у консервативной администрации Юн Согёля, то к ним относится прежде всего развитие передовых военных технологий и внедрение ИИ- и беспилотных решений в ВС. Ли Чжэме продолжает и дальше развивать эту линию (в частности, обозначив задачу по внедрению ИИ не только в отдельных образцовых подразделениях, но и на уровне всех подразделений ВС), однако не делает из нее главного приоритета военной политики, каковым она являлась при Юн Согёле в рамках его титульной инициативы «Военные инновации 4.0». С точки зрения администрации Ли Чжэме технологическая модернизация ВС — это лишь часть общей стратегии для компенсации демографических рисков, которую необходимо сочетать с мерами социальной поддержки и «огражданствления» ВС.

Наконец, предложенный комплекс мер по поддержке экспорта вооружений и связанному с ним ускоренному внедрению инноваций в ВПК во многом является продолжением политики администрацией Юн Согёля. Ли Чжэме поставил цель, заявленную ранее Юн Согёлем, — достичь четвертой позиции в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вооружений. Новая администрация будет использовать и развивать те инструменты, которые были разработаны при Юн Согёле: административная и налоговая поддержка бизнеса, отбор перспективных проектов компаний малого и среднего бизнеса и содействие их встраиванию в глобальные цепочки поставок и сотрудничеству с иностранными партнерами, а также меры по усовершенствованию регулирования инновационной деятельности для ускорения выхода на рынок новой высокотехнологичной продукции.

Стоит отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые Южной Кореей в этом направлении в последние годы (крупные сделки с Польшей, Саудовской Аравией, Австралией, странами Юго-Восточной Азии и др.), Сеулу еще далеко до того, чтобы войти в четверку мировых лидеров экспорта вооружений. Согласно данным Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), по итогам 2024 г. РК занимает только 10-е место в мире среди крупнейших экспортеров вооружений [George, Djokic, Hussain, Wezeman, Wezeman, p. 2]. Для дальнейшего роста экспорта необходимо устранить ряд проблем и ограничений. Так, существующие лимиты Экспортно-импортного банка Кореи, не предусматривающие выделение кредитов на сумму более 40 % собственного капитала банка, стали одним из камней преткновения в реализации заключенного с Польшей в 2023 г. соглашения на поставку самоходных артиллерийских установок K9. После одобрения Национальной ассамблеей РК увеличения уставного капитала Экспортно-импортного банка с 15 до 25 трлн вон в январе 2024 г., возможности по финансированию сделок были расширены [Губин, с. 59]. Тем не менее трудности с финансовыми расчетами в совокупности с разногласиями вокруг локализации и модернизации техники существенно замедлили процесс подписания исполнительных соглашений в рамках контракта на поставку Польше южнокорейских танков K2¹.

¹ Кирьянов О. Южная Корея поставит Польше рекордную партию боевых танков // Российская газета. 10.06.2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/10/iuzhnaia-koreia-postavit-polshe-rekordnuiu-partiiu-boevyh-tankov.html> (дата обращения: 26.10.2025).

Также препятствием для расширения географии поставок продукции южнокорейского ВПК является наличие ряда торговых барьеров. Например, в августе 2024 г. страны — участницы партнерства AUKUS (США, Великобритания, Австралия) договорились о снятии взаимных требований по выдаче лицензий на значительную часть вооружений и технологий, что сделало возможным осуществление 70—80 % оборонных поставок Великобритании и США в Австралию без лицензий¹. Несмотря на то, что Южная Корея рассматривалась как один из наиболее вероятных кандидатов на вступление в альянс и имела значительный интерес для участия в проектах сотрудничества в высокотехнологичных отраслях в рамках повестки «Столпа 2» AUKUS, присоединение Сеула к трехстороннему партнерству США, Великобритании и Австралии так и не состоялось. Отсутствие РК в структуре безлицензионной торговли вооружениями в рамках AUKUS может ослабить уже наработанные позиции Сеула на рынке вооружений Австралии.

Пожалуй, один из наиболее проблемных вопросов, связанных с торговлей вооружениями для Сеула сегодня, — это перспектива заключения соглашения о взаимных оборонных закупках с США (Reciprocal Defense Procurement Agreement). Диалог по этому соглашению, которое позволит получить упрощенные условия доступа на рынки военной продукции двух стран, ведется с конца 1980-х годов, однако Сеул и Вашингтон по-прежнему далеки от его заключения. В современных условиях будущее соглашение принесет как потенциальные риски, так и выгоды для Южной Кореи. С одной стороны, устранение барьеров поможет лучше закрепиться южнокорейским судостроителям на американском рынке в рамках программы инвестиций MASGA (Make American Shipbuilding Great Again)², получив выгодные заказы по обучению специалистов, совместному производству судов на территории США, а также по обслуживанию и ремонту военно-морской техники. С другой стороны, присоединение к соглашению о взаимных оборонных закупках может ограничить или даже полностью отсечь для РК один из главных инструментов развития собственной производственной базы — офсетных обязательств, налагаемых на импортера вооружений и военной техники и предполагающих трансфер технологий, выбор местных компаний для производства или сборки, реализацию программ обучения для местных специалистов и т. д. Кроме того, южнокорейские компании могут проиграть конкуренцию на внутреннем рынке, поскольку РК все еще активно закупает американские образцы вооружений и технологий, которые также пытается производить и самостоятельно. К таковым относятся бортовые радары для авиатехники, беспилотные летательные аппараты, авиационные двигатели, различные виды ракетных вооружений, корабельная артиллерия, вертолеты и т. д. [Arms transfers database; Мотявин, Степанов, с. 41—45] США же, хотя фактически и стараются минимизировать воздействие офсетных договоренностей на собственную военную про-

¹ Needham K. Australia, Britain, US drop defence trade barriers to propel AUKUS // Reuters. 15.08.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/australia-britain-us-drop-defence-trade-barriers-propel-aucus-2024-08-15/> (accessed: 26 October, 2025).

² Hwa Yu, Hobbs B. Taking cooperative alternatives to reciprocal procurement // Korea Joongang Daily. 29.09.2025. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-09-29/opinion/columns/Taking-cooperative-alternatives-to-reciprocal-procurement/2409875> (accessed: 26 October, 2025).

мышленность, в целом испытывают интерес к заключению соглашений о взаимных оборонных закупках с партнерами с высоким уровнем технологического развития [Hwa Yu, Hobbs, pp. 8—9]. К таковым в том числе относятся Япония и Южная Корея, и значимость их для США только повысилась на фоне нарастания технологической конкуренции с КНР [Захарова, с. 29—30].

Таким образом, обе стороны имеют опасения по поводу возможного устранения барьеров в двусторонней торговле вооружениями. Как результат — переговоры по заключению соглашения о взаимных оборонных закупках, в последний раз наиболее активно проходившие в последний год президентства Дж. Байдена, к настоящему моменту закончились безрезультатно¹. При Д. Трампе перспективы его заключения представляются еще менее вероятными ввиду его общего протекционистского проекта [Зуева]. В частности, трения по вопросу торговли вооружениями иллюстрируют отказ США летом 2025 г. экспортировать в РК боевую информационную систему СЕС (Cooperative Engagement Capability) для кораблей с системой Aegis².

Этапным событием в отношениях Южной Кореи и США и для военной политики РК в целом стал саммит АТЭС 2025 г. По его итогам Сеул и Вашингтон заключили тарифную сделку, предусматривающую снижение тарифов до 15 % в обмен на пакет южнокорейских инвестиций в объеме 350 млрд долл., осуществление РК закупок американских вооружений и техники на сумму 25 млрд. долл., выплату 35 млрд долл. на комплексную поддержку американского военного контингента на Корейском полуострове, а также — обещание Южной Кореи повысить свой оборонный бюджет на 3,5 % от ВВП. При условии реального выполнения этих договоренностей выплаты станут весьма значительным бременем для экономики государства, в частности объем выплат для поддержки войск США в РК в несколько раз превышает достигнутую сторонами годом ранее сделку по распределению расходов на совместную оборону. Тем не менее в рамках новых договоренностей с Трампом Южной Корее удалось добиться серьезных стратегических преимуществ. Помимо осязаемых перспектив закрепиться на судостроительном рынке в США, РК также получила разрешение Вашингтона на строительство атомных подводных лодок (АПЛ) и договорилась о поставках американской стороной ядерного топлива, что ранее было ограничено условиями двустороннего соглашения об использовании мирного атома. Хотя на пути к успешной разработке и производству собственных АПЛ Южной Кореей есть ряд препятствий (необходимость больших инвестиций, большой срок реализации проекта, неопределенность локации строительства субмарин, возможная негативная реакция со стороны КНР), потенциальное обладание подобным видом вооружений поможет повысить РК уровень своей военной самостоятельности. Ключевое стратегическое преимущество для РК здесь заключается не столько в

¹ Song Sang-ho. Talks on S. Korea-U.S. defense procurement pact face setback: source // Yonhap News. 19.06.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240619004200315> (accessed: 26 October 2025).

² Roh Suk-jo. U.S. Navy Denies South Korea Aegis CEC Export Request // The Chosun Daily. 19.10.2025. URL: <https://www.chosun.com/english/national-en/2025/10/19/6CDILSRPYNE45N6G6FLR75PSTM/> (accessed: 26.10.2025).

укреплении военного потенциала, сколько в самом доступе к передовым технологиям. Если ранее Южная Корея принадлежала к числу потенциальных кандидатов на вступление в партнерство AUKUS, то теперь в перспективе она сама может стать партнером для других государств, заинтересованных в развитии атомного флота.

Заключение

Анализ предложенных новой южнокорейской администрацией инициатив показывает, что в военной политике находит свое отражение тенденция на «центристское» смещение политических программ Ли Чжэмна. Основные направления военной политики РК представляют собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэном в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг. Ли Чжэмен пытается задействовать лучшее из обоих инициатив, а также исправить некоторые ошибки своего предшественника.

К числу наиболее важных задач, объявленных Ли Чжэмом, можно отнести возврат оперативного командования ВС РК в военное время, увеличение численности военнослужащих сержантского состава в ВС и достижение Южной Кореей позиции в числе четырех крупнейших экспортеров вооружений в мире. Первая из задач больше зависит от политической воли и вполне может быть решена в ближайшие пять лет. Реализация вторых двух инициатив потребует долгосрочной программы действий, результаты которой, вероятно, не будут видны в рамках срока президентских полномочий Ли Чжэмна. Еще более трудной задачей можно назвать обещание по восстановлению действия межкорейского военного соглашения 2018 г., которое выглядит достаточно амбициозным ввиду весьма напряженной обстановки на полуострове сегодня. Наконец, одним из наиболее сложных вопросов, связанных с задачей по увеличению объемов экспорта вооружений РК, являются переговоры о заключении соглашения о взаимных оборонных закупках с США. Перспективы этого пока что остаются достаточно ограниченными ввиду протекционистских мер администрации Д. Трампа и наличия у обеих сторон опасений о целесообразности устранения барьеров в двусторонней торговле вооружениями и военной техникой.

Библиографический список

Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Что воля, что неволя (народа) // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 4. С. 89—101. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.

Губин А.В. Перспективы выхода Республики Корея в лидеры на мировом рынке вооружений // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 54—71. DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006.

Захарова М.С. Развитие технологического сотрудничества США с Республикой Корея и Японией в контексте американо-китайского соперничества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 8 (668). С. 29—37. DOI: 10.31857/S2686673025080038.

Зуева А.Г. Оборонно-промышленный комплекс Республики Корея: тенденции и перспективы // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 7. DOI: 10.18254/S207054760035853-5.

Калинин Р.Р. Космическая программа Южной Кореи: аспекты международной безопасности // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 60—71. DOI: 10.48647/ICCA.2022.46.13.015.

Мишин В.Ю. Блоковая политика президента РК Юн Сок Ёля и её место в архитектуре сетевых альянсов США в АТР // Россия и АТР. 2024. № 4 (126). С. 30—46. DOI: 10.24412/1026-8804-2024-4-30-46.

Мотавин М.М., Степанов А.С. Военное сотрудничество США и их союзников в Северо-Восточной Азии: угрозы Тихоокеанскому флоту РФ // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 38—48. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-38-48.

Пугачева О.С. Вопрос передачи Республике Корея оперативного контроля в военное время: история и перспективы // Современные проблемы Корейского полуострова. 2025. № 1. С. 84—95. DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.57.009.

2026 National Defense Strategy. US Department of War, 2026. 25 p.

Arms transfers database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/TransferData> (accessed: 25 October, 2025).

George M., Djokic K., Hussain Z., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2024 // SIPRI Fact Sheet. March 2025. 12 p. DOI: 10.55163/XXSZ9056.

Hwa Yu, Hobbs B. Reciprocal Defense Procurement: The Missing Element in U.S.-ROK Relations // International Journal of Korean Studies. 2025. Vol. XXVI. No. 1. Pp. 1—16.

Kim Insoo. Reformist Cultural Inertia and Prospects for Defense Innovation 4.0 in South Korea // The Korean Journal of Defense Analysis. 2023. Vol. 35. No. 4. Pp. 501—519. DOI: 10.22883/kjda.2023.35.4.001.

김신숙. 인구감소시기 강한 국방을 위한 병역제도 설계: 군인력 정책의 질적 전환을 위한 제안 [Kim Синсук. Разработка политики управления человеческими ресурсами для обеспечения надежной обороны в период демографического спада] // 국방정책연구. 2023. 제142호. С. 7—32. DOI: 10.22883/jdps.2024.39.4.001. (На кор.)

이재명정부 123대 국정과제 [123 задачи государственной политики правительства Ли Чжэммёна]. Сеул: Правительство Республики Корея, 2025. 191 с. (На кор.)

이주용. 군 조직의 간부 유치 및 유지를 위한 민간 방식 인사관리 방법 도입 전략 [Ли Чжэммён. Стратегии внедрения методов управления гражданским персоналом для отбора и сохранения офицеров в военных организациях] // The Journal of the Convergence on Culture Technology. 2024. Vol. 10. No. 5. С. 219—227. DOI: 10.17703/JCCT.2024.10.5.219. (На кор.)

제21대 대통령선거 당선인공약 [Обещания кандидатов на 21-х президентских выборах] // Национальная избирательная комиссия Республики Корея. URL: <https://policy.nec.go.kr/> (дата обращения: 25.10.2025). (На кор.)

References

2026 National Defense Strategy. US Department of War, 2026. 25 p.

Arms transfers database, *Stockholm International Peace Research Institute*, URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/TransferData> (accessed: 25 October, 2025).

Asmolv K.V., Solovyov A.V. (2025). Will or No Will (of the People), *Russia in Global Affairs*, vol. 23, no. 4, pp. 89—101. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101 (In Russian).

George M., Djokic K., Hussain Z., Wezeman P.D., Wezeman S.T. (2025) Trends in International Arms Transfers, 2024, *SIPRI Fact Sheet. March 2025*, 12 p. DOI: 10.55163/XXSZ9056.

Gubin A.V. (2024). The prospects for the Republic of Korea's leadership in the global arms market, *Koreanology*, no. 4 (9), pp. 54—71. DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006. (In Russian)

Hwa Yu, Hobbs B. (2025). Reciprocal Defense Procurement: The Missing Element in U.S.-ROK Relations, *International Journal of Korean Studies*, vol. XXVI, no. 1, pp. 1—16.

Kalinin R.R. (2023). South Korea's space program: aspects of international security, *Koreanology*, no. 2 (3), pp. 60—71. DOI:10.48647/ICCA.2022.46.13.015. (In Russian)

Kim Insoo. (2023). Reformist Cultural Inertia and Prospects for Defense Innovation 4.0 in South Korea, *The Korean Journal of Defense Analysis*, vol. 35, no. 4, pp. 501—519. DOI: 10.22883/kjda.2023.35.4.001.

Mishin V.Yu. (2024). The Bloc Policy of South Korean President Yoon Suk-yeol and Its Place in US Network Alliances in Asia-Pacific Region, *Russia and the Pacific*, no. 4 (126), pp. 30—46. DOI: 10.24412/1026-8804-2024-4-30-46. (In Russian)

Motyavin M.M., Stepanov A.S. (2024). U.S. Military Cooperation with Its Allies in Northeast Asia: Threats to Russian Pacific Fleet, *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 11, pp. 38—48. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-38-48. (In Russian)

Pugacheva O.S. (2025). The Issue of Transferring Wartime Operational Control to the Republic of Korea: History and Prospects, *Contemporary Problems of Korean Peninsula*, no. 1, pp. 84—95. DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.57.009. (In Russian)

Zakharova M.S. (2025). The Development of US Technological Cooperation with the Republic of Korea and Japan in the Context of US-China Rivalry, *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 8 (668), pp. 29—37. DOI: 10.31857/S2686673025080038. (In Russian)

Zueva A.G. (2025). The Military-Industrial Complex of the Republic of Korea: Trends and Prospects, *Russia and America in the 21st Century*, no. 7. DOI: 10.18254/S207054760035853-5. (In Russian)

김신숙. (2023). 인구감소시기 강한 국방을 위한 병역제도 설계: 군인력 정책의 질적 전환을 위한 제안 [Kim Shin-suk. Designing Military Manpower Policies for a Strong Defense in a Time of Demographic Decline], *Defense Policy Research*, no. 142, pp. 7—32. DOI: 10.22883/jdps.2024.39.4.001. (In Korean)

이재명정부 123대 국정과제 [Lee Jae-myung administration's 123 major national tasks], Seoul: *The Government of the Republic of Korea*, 2025: 191. (In Korean)

이주용. (2024). 군 조직의 간부 유치 및 유지를 위한 민간 방식 인사관리 방법 도입 전략 [Lee Ju-Yong. Strategies for Implementing Civilian Personnel Management Methods to Recruit and Retain Officers in Military Organizations], *The Journal of the Convergence on Culture Technology*, vol. 10, no. 5, pp. 219—227. DOI: 10.17703/JCCT.2024.10.5.219. (In Korean)

제21대 대통령선거 당선인공약 [21st Presidential Election Candidate's Pledges], *The National Election Commission of the Republic of Korea*, URL: <https://policy.nec.go.kr/> (accessed: 25 October, 2025). (In Korean)

Поступила в редакцию: 27.10.2025

Received: 27.10.2025

Принята к публикации: 24.02.2026

Accepted: 24.02.2026